

дователь этот не обратил также внимания на те фрагменты текста, которые решительно сводят на нет его утверждение, что Нестору не был еще известен третий этап культа, отраженный в иконографических памятниках с XII в., на которых князья изображены с оружием и на конях.⁷⁴ В рассказе Нестора прибывших святых узники видят «на росну коню», на конях прибыли также Борис и Глеб, сопутствуемые св. Николай, чтобы наказать работавшую в праздник женщину.⁷⁵ Из того факта, что в анонимном Сказании святые князья никогда не выступают на конях, мы не решились, однако, сделать обратный вывод о взаимоотношении этих произведений. Следует только отметить, что, согласно обоснованной в литературе датировкой Несторова Чтения,⁷⁶ уже в 80-е годы XI в. Борис и Глеб выступали с воинскими атрибутами. Впрочем, о ратной доблести Бориса упоминает и Нестор: «... ратьнии же, яко же услышаша блаженаго Бориса идуша с вои, бежаша: не дерзнуша стати блаженому».⁷⁷ Иконки с конными изображениями князей (оставляем в стороне более поздние) также хронологически не определены и, по всей видимости, древнейшие из них принадлежат XIII—XIV вв.⁷⁸

Что касается изображений, отнесенных В. И. Лесючевским к первой группе (с крестом в руке), то все они принадлежат XII—XIII вв. Древнейшее из них, на эмалях Мстиславова евангелия, где к тому же князья представлены по груди, несколькими годами моложе полной редакции анонимного Сказания.

Итак, рассмотренные В. И. Лесючевским иконографические памятники, посвященные Борису и Глебу, не представляют оснований для хронологического расслоения развития их культа и тем более не обосновывают утверждения о старшинстве Несторова Чтения. Существенные для истории культа Бориса и Глеба в памятниках искусства, они не являются источником, который может быть привлечен для выявления сложной проблематики посвященных им литературных произведений.

Критический разбор исследований иконографии культа Бориса и Глеба привел к заключению, что в сохранившемся виде источники этого типа не бросают света на первичный состав анонимного Сказания и не содержат

Studien zu den Anfängen der russischen Hagiographie und ihre Verhältniss zum byzantinischen Beispeil. Aus der Byzantinistischen Arbeit der DDR, 1, Berlin, 1957, ss. 241, 264—265 (Berliner Byzantinistische Arbeiten, V. V).

⁷⁴ Ср.: В. И. Лесючевский, Вышгородский культ..., рис. 5 (4, 5), рис. 6.

⁷⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 20, 23; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 200, 204.

⁷⁶ Вопреки мнению С. А. Бугославского (обоснованному в указанных выше сочинениях) и следовавшего за ним Л. В. Черепнина (Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, т. 25, М., 1948, стр. 311—312), относивших составление Чтения о Борисе и Глебе и Жития Феодосия Печерского к началу XII в., мы разделяем мнение А. А. Шахматова, датировавшего эти памятники 80-ми годами XI в. Подробное обоснование этой датировки см.: А. Порре. Chronologia utworów Nestora-hagiografą. — Slavia Orientalis, rocz. XIV, Warszawa, 1965, № 3. s. 287—305.

⁷⁷ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 8; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 187.

⁷⁸ Ср.: ГРМ, коллекция $\frac{ДР}{М}$ 937, 938, 939, 941, 2395, 2399. Не исключена их датировка XV в. Ср. публикуемую Т. В. Николаевой (Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики..., стр. 137—138, № 30) шиферную иконку первой половины XIV в. в сканной оправе. На лицевой стороне Борис и Глеб на конях. Судя по фреске с фигурами двух всадников церкви Бориса и Глеба в Кидекше, расписанной в 80-е годы XII в. (Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев Польской. М., 1965, рис. 104, стр. 244, 249), изображающей, по мнению Т. В. Николаевой, Бориса и Глеба (Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики..., стр. 21), последние изображались конными и в XII в.